

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ФОРМЫ СЛУХОВОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

© 2008 г. Н. С. Курек

Доктор психологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва

Анализируется связь особенностей личности со слуховой активностью. Предлагается модель целенаправленного (рационального) и эмоционального Я как субъекта слуховой активности. Выделяются три его уровня – реактивный, спонтанный, интроспективно-духовный, и соответственно три типа личности: аудиально-реактивный, аудиально-спонтанный и аудиально-интроспективный. Рассматриваются следующие формы слуховой пассивности личности: меломания, зависимость от слушания внутренней речи, слуховые галлюцинации и слуховая апатия.

Ключевые слова: целенаправленное и эмоциональное слушание, слуховая пассивность личности, слабость Я, меломания, слуховые галлюцинации, слуховая апатия.

В психологии существуют две противоположные точки зрения на взаимосвязь слуха и личности.

Согласно первой, принятой в натурфилософии и психофизике, слух – функция среды и мозга. Он связан с чертами личности и является индивидуально-типологической характеристикой. При этом эмоции, как правило, исключаются из слухового восприятия, а Я не рассматривается в качестве его субъекта. В традиционной психофизике считается, что слуховое восприятие возникает в результате переработки звуковых сигналов в слуховом анализаторе. Его сила зависит, прежде всего, от интенсивности раздражителя. С. Стивенс считал, что эта зависимость носит степенной, а Г. Фехнер – логарифмический характер [40, 52]. Представители естественно-научного направления У. Джемс, А. Бине, Ф. Гальтон выделяли слуховой тип (“слуховика”), который “воспринимает мир ушами, а не глазами” (см. [13, с. 334]). В дифференциальной психофизике изучалось влияние на слух таких черт личности, как экстраверсия/интроверсия, полезависимость/полнезависимость, ригидность [9, с. 39]. Основатель субъектной психофизики К.В. Бардин показал, что сенсорные характеристики звука зависят от собственной активности субъекта, выступающего в качестве испытуемого в экспериментах: от сенсорной задачи, цели, стратегий, операциональных приемов деятельности, интер- и интраиндивидуальных психологических особенностей [5]. Однако и при этом подходе Я не признается субъектом слуховой активности.

Согласно второй точке зрения, субъектом слуховых процессов является Я, а эмоция – важная составляющая слуха. Н.О. Лосский сформулировал основные положения персонологической, интуитивистской теории психики, которые можно отнести также к слуховому восприятию: психиче-

ские функции есть проявление Я (души); Я – активный их источник и носитель; в центре сознания находится единое и тождественное Я [29, с. 46]. Представитель феноменологического направления М. Хайдеггер противопоставил натуралистическую и персоналистическую установку, при которой: “Главное увидеть взаимосвязь психических переживаний не как придаток физической вещи, но как таковую, и увидеть Я в качестве душевного Я-субъекта” [45, с. 131]. При таком подходе слух называется слушанием. Хайдеггер пишет: “Слушание есть основной способ понимающего бытия – друг-с-другом. Говорить может лишь тот, кто может вести речь и слушать. Что для этого слушания существуют вещи вроде ушных раковин и барабанных перепонки – это чистая случайность” [там же, с. 281]. Представитель феноменологического направления в психологии К. Роджерс выцелил эмпатическое слушание – понимание одной личностью субъективного мира чувств другого человека. Он писал: “Эта особая активная разновидность слушания – одна из самых мощных известных мне сил, обеспечивающих изменение” [36, с. 55]. Эмпатическое слушание наиболее целительно, когда психотерапевт или фасилитатор находится ближе всего к своему внутреннему, интуитивному Я.

Цель настоящего исследования – разработка оригинальной модели слуховой активности Я и выделение на ее основе разных форм слуховой пассивности личности – нарушений слуха, связанных преимущественно со слабостью Я.

В связи с этим были поставлены следующие задачи:

- 1) описать и проанализировать различные формы и уровни слуховой активности;
- 2) проанализировать связь особенностей личности со слуховой активностью;

3) выявить основные формы слуховой пассивности личности.

Согласно авторской модели, слуховая активность – акт слушания *Я* звукового сообщения (шума, речи, музыки). В ней выделяется целенаправленное (рациональное) и эмоциональное слушание. Часто это единый процесс целенаправленного рационального понимания значения информации, а также восприятия и переживания эмоционального подтекста услышанного. Но в некоторых условиях может доминировать либо рациональное целенаправленное, либо эмоциональное слушание. Так, в деловом общении, учебном процессе все усилия слушателя направлены на понимание значения информации, а в межличностных отношениях (например, влюбленных людей, психотерапевта и больного) основным является понимание и переживание эмоционального подтекста звукового сообщения. Рациональные личности (как правило, мужчины) склонны к рациональному целенаправленному слушанию, а эмоциональные (прежде всего женщины) – к эмоциональному слушанию. Поэтому с определенной долей условности можно выделить целенаправленное (рациональное) и эмоциональное слушание. В слуховой активности выделяются также три уровня: реактивный, спонтанный, интроспективно-духовный. На реактивном уровне слушания *Я* выступает в качестве объекта воздействия и участника слуховой активности; на спонтанном – *Я* по собственному побуждению начинает, продолжает и прекращает слушание, на интроспективно-духовном – *Я* – это одновременно субъект и объект воздействия: слушает себя в ходе диалогов с самим собой. Под личностью понимается, во-первых, структура, ядром которой является *Я* – центр сознания, способный к диалогу с самим собой, в ходе которого выбираются цели и намечаются способы их достижения, воспринимаются, переживаются и выражаются эмоции. Именно *Я* – субъект и участник слуховой активности. Во-вторых, личность – это совокупность отличительных черт, которые относятся к *Я*, темпераменту и характеру.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ РАЦИОНАЛЬНОЕ СЛУШАНИЕ

Целенаправленное рациональное слушание Я – рациональные акты слушания Я звукового сообщения (шума, речи, музыки), направленные на достижение разнообразных целей. В широком значении слова целенаправленным является любое слушание. Его целенаправленность определяется основными целями человечества. В. Штерн писал: “У каждого человека имеется (совершенно независимо от его частных целей как индивидуальности) определенная целевая направленность самого общего вида: самосохранение и самораз-

витие, организация жизни в социальных сообществах. Человек, чье душевно-телесное функционирование, взятое в целом, приспособлено к этой целенаправленности, является нормальным (нормальность как тотальная вариация). Также и отдельная функция нормальна в той мере, в какой она приспособлена к специальной цели, которую ей надлежит выполнять внутри всего организма (нормальность как парциальная вариация)” [47, с. 106]¹. Человек обращает внимание и слышит только то, что необходимо для самосохранения, организации жизни в социальных сообществах и саморазвития.

В узком значении слова целенаправленное рациональное слушание – это рациональный акт слушания, который порождает слуховой образ и является основой целенаправленного волевого действия. Например, учась в институте, человек слушает лекции и приобретает знания, необходимые для его дальнейшей работы, для достижения профессиональных целей. Целенаправленное рациональное слушание базируется на познавательных процессах: памяти, мышлении, внимании. В ходе слушания *Я* выдвигает перцептивные гипотезы, сравнивает результаты прослушивания со своими ожиданиями, со слуховым опытом и ситуацией и корректирует процесс слушания. В результате слуховой образ становится осознанным, ясным, интенсивным, тесно связанным с прошлым опытом, что ведет к распознаванию предметов и событий, пониманию значения услышанной информации. Это позволяет использовать ее для достижения других целей личности: самосохранения, саморазвития, организации жизни в социальных сообществах.

Можно выделить вербальное и музыкальное целенаправленное рациональное слушание.

Вербальное целенаправленное рациональное слушание – рациональный акт слушания *Я* словесных сообщений, направленный на достижение разнообразных целей. Согласно теории И. Атва-тера, общение имеет информационную, экспрессивную, побудительную и социальную цели [3]. Соответственно можно выделить четыре цели слушания: информационную – точное восприятие и понимание значения информации; эмпатическую – понимание чувств, передаваемых словами; побудительную – стремление к пониманию того, чего ожидают от слушателя, к какому действию его побуждают; социальную – стремление к поддержанию межличностных отношений в ходе общения. Эти цели достигаются различными способами. Так, для достижения информационной цели Атва-тер предлагает применять рефлексивное

¹ Эта идея Штерна стала основополагающей для выделения А. Маслоу следующей иерархии потребностей: самоактуализации, самоуважения, любви и принадлежности, безопасности, физиологических.

слушание с выяснением, уточнением информации [3]. Для достижения эмпатической цели следует использовать эмпатическое слушание – точное восприятие чувств, личностных смыслов и передачу воспринятого понимания клиенту. По мнению К. Роджерса, целенаправленное произвольное эмпатическое слушание врачом переживаний больного – одно из важнейших условий исцеления: “В такие моменты кажется, что мой внутренний дух вышел вовне и прикоснулся к внутреннему духу другого человека. Наше отношение трансцендирует себя и становится частью чего-то большего. Имеют место существенные и очевидные рост, исцеление, энергия” [36, с. 57]. Однако информационная и социальная цели рационального вербального слушания являются главными, особенно в деловом общении при обучении и в процессе работы.

Музыкальное целенаправленное рациональное слушание – слуховой рациональный акт, направленный на достижение цели понимания структуры музыки, узнавания мелодии. Согласно феноменологической теории Э. Гуссерля, музыкальная импрессия представляет поток сознания. Поток первичного сознания – это восприятие актуального звука; припоминание предыдущего звука (ретенция) и ожидание следующего звука (протенция). Одновременно протекает поток вторичного сознания – внутреннего восприятия и переживания наших первичных актуальных восприятий, воспоминаний и ожиданий [11]. Ж. де Ажури-агерра, Х. Экаэн пишут: “Музыкальная функция – это мнестическая функция, которая организует звуки в мелодии в соответствии с ритмом и темпом их чередования. Содержание музыки может быть воспринято только в качестве целого и только за счет интуитивных механизмов” [1, с. 65]. Целенаправленное рациональное слушание музыки доминирует при обучении музыке, подготовке исполнителя к выступлению, анализе музыковедом музыкального произведения.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СЛУШАНИЕ

Эмоциональное слушание – акты восприятия Я эмоционального подтекста звуков (шума, речи, музыки) и его эмоционального внутреннего переживания². Они характеризуются знаком (положительным, отрицательным), модальностью (радостью, страхом, гневом, печалью) и тесно связаны с личностью. Я как центр сознания, способный к диалогу с самим собой, воспринимает и переживает чувства, связанные со звуковым сообщением.

² Эмоциональное слушание следует отличать от более узких понятий эмоционального слуха – распознавания эмоций по речи и музыке, и интонационного слуха – восприятия эмоций по музыке.

Эмоциональное слушание хотя и может стать самостоятельной целью (например, эмпатическое слушание), но все же не является целенаправленным рациональным слушанием в узком значении слова. Основным результатом эмоционального слушания оказывается эмоциональный слуховой образ звукового сообщения и ответная эмоциональная реакция, характеризующиеся знаком и модальностью, а целенаправленного рационального слушания – рациональный слуховой образ и ответные волевые действия. Особенно ярко выступает это различие эмоционального и целенаправленного рационального слушания при сильных эмоциях. В статье “Шоковые эмоции” П. Жане приводит следующий случай. Одной девушке Иб., 23 лет, отец сказал: “Неужели я буду парализован”. Услышав эти слова, девушка вскрикнула, заметалась по комнате, у нее начались конвульсии. Жане отмечает, что у нее произошла замена целенаправленного действия эмоцией: “Иб., услышав жалобу отца, должна была бы встать из-за стола, подойти к отцу, расспросить, осмотреть руку, позаботиться о нем, помочь. Она, безусловно, была способна на все эти действия и не раз ухаживала за отцом и матерью, когда они болели. Но ничего подобного она не сделала в тот момент, что характерно для всех ситуаций, когда человек охвачен эмоцией. Именно эти процессы убеждают нас в мысли, что эмоции развиваются по поводу событий, к которым человек оказывается не готов и не может адаптироваться... активированные в эмоциях тенденции являются примитивными тенденциями самосохранения, нападения или бегства” [15, с. 168–169]. Ж.П. Сартр, продолжая анализ случая, описанного Жане, соглашается с его трактовкой поведения девушки: «Во время лечения она признается, что мысль об уходе за своим отцом и суровой жизни сиделки внезапно показывается ей невыносимой. Эмоция представляет здесь, следовательно, поведение поражения, это замещение такого “поведения сиделки, которое невозможно удержать”» [37, с. 123–124]. По мнению Сартра, эмоция является также возвращением сознания к магическому поведению, при котором, как во сне, деформируются и уничтожаются время и пространство: – Эмоциональный срыв здесь – это уход от ответственности. Здесь имеет место магическое преувеличение трудностей мира. Мир сохраняет, следовательно, свою дифференцированную структуру, но предстает теперь как несправедливый и враждебный, поскольку он требует слишком много от нас, большего, чем это в наших человеческих силах” [там же, с. 133]. Сартр приходит к заключению: «Мы будем называть эмоцию внезапным падением сознания в магическое. Или, если хотите, эмоция имеет место, когда мир (связанных причинными отношениями) средств внезапно исчезает, а на его месте появляется магический

мир. Не нужно, следовательно, видеть в эмоции временное расстройство организма и разума, которое якобы извне нарушает психическую жизнь. Наоборот, это возвращение сознания к магическому поведению, к одной из основных форм поведения, которые присущи сознанию с появлением соответствующего мира, магического мира. Эмоция не есть случайность, это способ существования сознания, один из способов, с помощью которых оно понимает (в смысле хайдеггеровского “*Verstehen*”) свое “бытие-в-мире”» [там же, с. 137]. И эмоциональное слушание является также одной из форм нормального регрессивного магического поведения.

Можно выделить вербальное и музыкальное эмоциональное слушание.

Вербальное эмоциональное слушание – акт восприятия и переживания Я эмоционального подтекста разговорной и стихотворной речи.

При эмоциональном слушании разговорной речи чувства распознаются по содержанию высказываний и экстралингвистическим и паралингвистическим характеристикам разговорной речи: радость – по смеху, ликующим возгласам; печаль – по плачу, всхлипыванию, снижению интенсивности и темпа речи; гнев – по угрожающей интонации, крику, визгу. Большую роль в распознавании эмоций по голосу играет заражение эмоциями другого человека. По своим ответным чувствам мы можем узнать эмоции говорящего человека. Восприятие эмоций по аудиальным характеристикам основано также на бессознательных умозаклечениях. Индивид извлекает из памяти энграммы типичных проявлений эмоций в голосе, сравнивает с ними конкретное выражение, абстрагируется от несущественных признаков, находит общее и различное и делает некое бессознательное умозаклечение о том, какое чувство испытывает говорящий человек. При определении эмоций по голосу большую роль играет ситуативный контекст: например, на похоронах человек испытывает, как правило, грусть, а на свадьбе – радость, веселое настроение. Лучше всего распознаются эмоции, если они передаются по нескольким каналам: не только через слова и интонации, но и через мимику, позы, жесты. Если сообщение противоречиво и вызывает сомнение в истинности, то больше доверяют глазам, а не ушам, больше обращают внимание на мимику, жесты и позы, чем на слова [17]. По разговорной речи слушатель может также определить эмоциональный или волевой тип личности. По мнению Дж. Рифферта, для эмоциональной личности характерна мелодичная быстрая речь с мягким тембром, а для волевой – напряженный ритм и жесткий тембр речи (см. [53]). Восприятие эмоционального подтекста разговорной речи вызывает многообразные ответные эмоциональные пере-

живания слушателя, которые могут его травмировать. Поэтому слуховой активности присущи защитные механизмы: человек не слышит нежелательную информацию, снижает ее значение или воспринимает юмористически. Психопсихик О. Ранк писал: “Я вижу или слышу то, что я хочу, а не то, что есть в реальности. То, что есть, можно узнать, лишь преодолев тенденцию отрицать все, что я не хочу видеть, слышать или воспринимать” [33, с. 270].

Эмоциональное впечатление от слушания стихотворной речи зависит от содержания, размера (количества и расположения слогов в стихе) и рифмы (созвучия концов стихотворных строк). Нас печалит стихотворение, повествующее о драматических или трагических событиях, но при этом мы получаем удовольствие от его размера и рифмы. Д.Н. Овсяннико-Куликовский утверждал, что ритмическое воздействие стиха вызывает у слушателя лирическую эмоцию, которая экономит психическую силу и вносит порядок в душу (цит. по: [10, с. 238]). По мнению поэта А. Белого и психоаналитика И.Д. Ермакова, размер стиха определяет знак эмоции: хорей – бодрое и радостное, а ямб – печальное настроение [там же, с. 22]³. На эмоциональное впечатление от прослушивания стихотворения влияет также звуковысотная линия. Художник В. Кандинский писал: “Для такого рода стихов необходимо изыскать собственную нотную систему, которая бы фиксировала звуковысотную линию так же точно, как и в музыке” [20, с. 156].

Музыкальное эмоциональное слушание – акт восприятия и переживания Я эмоционального подтекста музыки. Музыка, как и стихотворение, выражает чувства, и, слушая музыкальное произведение, мы его воспринимаем и переживаем. Эмоциональное впечатление от музыки, как и от стихотворения, зависит от ее размера, ритмической структуры и других характеристик. Музыка как бы равномерно пульсирует, в ней постоянно сменяются моменты напряжения и разрядки. Моменты напряжения называются сильными долями, моменты разрядки – слабыми. С напряжением связано некоторое чувство неудовольствия, а с разрядкой – удовольствия. С другой стороны, источником эмоционального впечатления от музыки является характер сочетания высот звуков. Гармоничное их сочетание – консонанс доставляет положительные эмоции, а дисгармоничное – диссонанс вызывает неудовольствие. Слушание минорной музыки печалит нас, а мажорной – активизирует, вселяет оптимизм. Согласно теории В.А. Лефевра, механизм возникновения эмоционального впечатления у слушателя следующий: в

³ Аристотель утверждал, что “ямбический метр поэтоу и по сей день называется ямбическим (язвительным)... с помощью его люди язвили друг друга” [2, с. 333].

музыкальном интервале содержится код эмоции, человек при восприятии музыки декодирует его и приходит в соответствующее эмоциональное состояние [26, с. 81]. К. Леонгард утверждал, что музыка кроме непосредственных эмоций вызывает также ассоциативные опосредованные чувства связи (объединения) и прерывания [54]. Первое обусловлено повторяемостью ритма и мелодии, второе – изменением ритма и последовательности тонов. Повторяющиеся структуры музыки связывают предыдущие и последующие ее части и усиливают наслаждение от нее. Но при частом их повторении возникают чувства пресыщения, скуки, колебания внимания, сонливость. Изменение музыкальной структуры и чувство прерывания вызывают чувства новизны, удивления и хотя повышают неприятное напряжение, но углубляют эстетическое впечатление.

ТИП ЛИЧНОСТИ И УРОВНИ СЛУШАНИЯ

Остановимся на взаимосвязи типа личности и слушания. Он во многом обуславливает характер и избирательность слуховой активности: предпочтение тех или иных звуков, например, той или иной музыки.

Так, А. Залкинд считал, что активный тип личности гипертиреотиков (с усиленно работающей щитовидной железой) испытывает положительные эмоции от музыки с быстрым темпом, а медленная торжественная музыка не производит на него впечатления. Индивиды же, принадлежащие к группе пассивных ваготоников (с преобладанием антагонистов щитовидной железы), напротив, любят медленную музыку, а ускоренный темп музыкальных воздействий вызывает у них тяжелое состояние, утомляемость, расстройство внимания [16].

Характер эмоционального слушания и предпочтение той или иной музыки зависит также от шизотимического или циклотимического типа темперамента. Э. Кречмер считал, что для шизотимиков характерны: колебания между повышенной чувствительностью и анестезией, порывистостью и тягучестью; движения, неадекватные раздражителю; интроверсия; лептозомный или атлетический тип строения тела. Циклотимикам свойственны: колебания между весельем и печалью, подвижностью и покоем; движения, адекватные раздражителю; экстраверсия; пикнический тип строения тела. Крайнее выражение шизотимического темперамента – шизофрения, а циклотимического – маниакально-депрессивный психоз [22, с. 252]. В моих исследованиях было установлено, что у больных шизофренией снижена точность восприятия аккордов-консонансов (увеличено число ошибочных оценок “грустный” при восприятии мажоров и уменьшено число верных оценок “грустный” при восприятии мино-

ров). Восприятие диссонансов у больных шизофренией более сохранно. При этом консонансы им чаще не нравятся, а диссонансы, напротив, нравятся [24]. А у больных депрессией отмечается обратная тенденция: прослушивание классической музыки, основанной на консонансах, вызывало выраженные положительные эмоции, а рок-музыки, включающей большое количество диссонансов, – негативные эмоциональные реакции [30, с. 88].

Следует отметить, что интроверсия и ригидность являются важнейшими характеристиками шизоидной личности. Оказалось, что от них зависит характер целенаправленного слушания. И.Г. Скотникова приводит данные о влиянии экстраверсии/интроверсии и нейротизма на пороги обнаружения сигнала на фоне шума при разных условиях измерения. У невротичных экстравертов дополнительная сенсорная стимуляция сначала снижала пороги восприятия, но при длительной работе повышала их. У стабильных интровертов пороги оставались постоянными при всех изменениях условий эксперимента [39]. Т.П. Войтенко выявила влияние особенностей когнитивного стиля личности – полнезависимости/полнезависимости, ригидности/флексibilityности на различение громкости двух звуковых сигналов: “Чем выше показатель полнезависимости, тем больше у испытуемых наблюдается состояний абсолютного различения и меньше латентного сомнения” [9, с. 103]. Флексibilityные и полнезависимые личности чаще использовали вспомогательные средства решения сенсорных задач (дополнительные модально-неспецифические признаки). Для ригидных индивидов характерно лучшее развитие сенсорной способности, они более обучаемы.

Тип личности может также обусловить слуховую несовместимость людей. Так, французский психоаналитик Ф. Дольто отмечает несовместимость “правоухих” и “левоухих” людей. Она пишет: «Певец, у которого ведущее ухо левое, – левша в отношении голоса (потому что его голос соответствует уху)... но публичное выступление такого “лево-голосого” певца исключено, даже при самом прекрасном тембре голоса. Они могут петь только в хоре; их не ценят как солистов, хотя при научном исследовании их голосов выясняется, что у них превосходный голосовой аппарат. Если дети попадают к “левоголосой” кормилице, им так неприятно слышать ее голос, что иногда они вообще перестают что-либо слушать» [14, с. 321].

Многие исследователи выделяют аудиальный тип личности. У. Джемс писал: “Тех людей, которые думают преимущественно “слуховыми образами” (т.е. звуками, воспроизводимыми воображением), Гальтон называет “слуховиками” (audiles). Как полагает А. Вине (Binet), этот тип встречается

реже, чем тип людей, думающих зрительными образами» [13, с. 334]. В современном нейролингвистическом программировании также описывается аудиальный тип личности, который обращает преимущественно внимание на громкость, высоту, тембр, интонацию, ритм звуков [21]. Можно выделить три уровня слушания – реактивный, спонтанный, интроспективно-духовный, и соответственно три разновидности аудиальной личности: аудиально-реактивную, аудиально-спонтанную и аудиально-интроспективную.

1. *Реактивный уровень слушания:* Я выступает в качестве объекта воздействия и участника слуховой активности. К этому уровню относятся слуховые реакции на звуки и целенаправленная слуховая активность, в которой цель слушания инициирована извне, задана другими людьми: взрослым – ребенку, начальником – подчиненному, преподавателем – студенту. Это может происходить в форме приказов или пожеланий: “Слушайте внимательно!”, “Повторите сказанное!”, “Не перебивайте!”, “Не разговаривайте”. Эмоциональное слушание этого уровня выражается в форме автоматического восприятия эмоционального подтекста звуковых сообщений и непроизвольных эмоциональных реакций на них. Слуховые целенаправленные реакции имеются уже у новорожденных и младенцев: они тянут руки в сторону звучащего предмета в полной темноте и пытаются его достать [6, с. 145–147]. К.Э. Изард сообщает, что эмоциональная реакция смеха на звуковые стимулы возникает в 7 мес, а на зрительные стимулы гораздо позже – в 10.5 мес. [19]. Шумы и шорохи вызывают у младенцев страх также гораздо раньше, чем зрительные стимулы. У. Джемс утверждал, что дети между тремя и девятью месяцами гораздо реже пугаются зрительных, чем слуховых впечатлений [13, с. 452]. Громкие неожиданные шумы могут стать основой условно-рефлекторных реакций испуга на нейтральные раздражители (например, на цвет). Так, американские психологи Дж.Б. Уотсон и Р. Райнер показывали 11-месячному Альберту белую крысу и одновременно сзади громко били молотком по железной полосе. Мальчик пугался неожиданного громкого звука и после семи таких реакций стал кричать и отворачиваться от крысы (первоначально нейтрального стимула), даже если не было звука. Малыша приучили бояться также белых кроликов и Санта Клауса (цит. по: [48, с. 296]).

Выраженность реактивного уровня слушания Я определяется на основе динамических свойств: длительности и частоты слушания, уровня порогов восприятия громкости, высоты, тембра и темпа звуков, точности распознавания эмоционального подтекста звуковых сообщений, интенсивности и длительности переживаний эмоций, связанных с ними. Человека с этими выраженными

характеристиками можно отнести к *аудиально-реактивному типу личности*.

2. *Спонтанный уровень слушания:* Я по собственному побуждению начинает, продолжает и прекращает слушание. Человек способен к слуховой регуляции. Спонтанность проявляется в свободном самостоятельном выборе и достижении цели слушания. Эмоциональное слушание также становится более спонтанным и произвольным: менее адаптивная эмоциональная реакция (например, испуг при неожиданном громком звуке) превращается в более адаптивное предчувствие (например, страх нежелательного звукового воздействия), что позволяет Я заранее его избежать. Р.А. Шпиц считает, что спонтанность слушания появляется у ребенка уже на третьем месяце жизни. Он пишет: “Первоначально младенец не различает звуки, доносящиеся извне и произносимые им самим, но в ходе созревания, в первые два месяца жизни различные отделы органов восприятия отделяются друг от друга. В определенный момент (хронологически, примерно на третьем месяце жизни) младенец замечает, что он может прислушиваться к звукам, которые он сам издает, и что его собственные звуки отличаются от доносящихся извне. На звуки, исходящие от внешнего мира, младенец повлиять не может, однако он способен развлечь самого себя, издавая собственные интересные звуки или прекращая их издавать. Эта активность кажется мне одним из наиболее ранних видов деятельности, в которых младенец испытывает свое всемогущество” [46, с. 104–105]. В более старшем возрасте человек может произвольно управлять слушанием с помощью отрицательных или положительных подкреплений словесных сообщений, полученных от другого человека. Если говорящий употребляет то или иное слово и слушатель улыбается, то вероятность, что он услышит эти слова в будущем, повышается. Если же слушатель хмурится или говорит какие-то колкости в ответ, то вероятность того, что он снова услышит эти слова, снижается.

Выраженность спонтанного уровня слушания определяется на основе способности начинать, изменять и прекращать слушание по собственной инициативе. Человека с этой выраженной характеристикой можно отнести к *аудиально-спонтанному типу личности*.

3. *Интроспективно-духовный уровень слушания (внутренний слух).* Я является одновременно субъектом и объектом воздействия, т.е. слушает себя в ходе диалогов с самим собой. При этом, как правило, человек молчит, а внешний слух снижается или отключается. Внутренний слух возникает в онтогенезе довольно поздно – в 7–8 лет после формирования внутренней речи. Слушание внутренней речи выполняет важную функцию в планировании деятельности – выборе цели, средств

ее достижения, а также в контроле над внешней речью и эмоциональными переживаниями. Слушание внутренней музыки играет особую роль для достижения целей ее исполнения и сочинения. Главной идеей зарубежных и отечественных представителей музыкальной психотехники начала и середины XX в. Бузони, И. Гофмана, Я.И. Зака, В.В. Софроницкого было “признание безоговорочного приоритета внутреннего слухового представления в исполнительских действиях” [41, с. 246]. Исполнитель внутренне проигрывал и слушал музыкальное произведение без инструмента, с нотами или без них, что помогало ему более совершенно воплотить художественный замысел.

Интроспективное слушание способствует духовному познанию и развитию личности. К.Г. Юнг утверждал, что “внутренний другой”, с которым наше *Я* ведет внутренний диалог, есть самость. Надо признать его личностью, относиться к нему с уважением и вести дискуссии, дожидаясь от него ответов на вопросы, а не отвечая самому себе. Он разделял мнение иезуита Игнатия Лойолы, что разговор с другом души есть не что иное, как общение с Христом [50]. Лойола полагал, что для того, чтобы услышать Бога, необходимы молчание, тишина, сосредоточение внимания и активная визуализация Христа. При таких условиях мы не просто вспоминаем, а даем Богу “говорить”. Представитель психосинтеза Т. Йоуменс считал слушание внутреннего голоса источником мудрости, необходимым для самоактуализации: “Соприкоснувшись с этим источником, мы сможем лучше понять препятствия, стоящие на пути нашего роста, а также применить свою волю и сознательность для их устранения... С этим источником внутреннего наставления связаны многие образы. К их числу относятся солнце, родник, звезда или точка света, ангел, орел, голубь или птица Феникс, Христос или Будда” [18, с. 169]. Тибетские ламы стремятся воспроизвести во время ритуальных песнопений внутренние звуки, которые мы слышим при отключении внешнего слуха. Для этого они используют цимбалы, барабаны, колокольчики: “*Ламы* утверждают, что они физически вызывают в человеке, исполненном преданности и поклонения, состояние глубокого благоговения и веры, поскольку они имитируют те природные звуки, которое слышит человеческое тело, если человек закроет уши, чтобы не слышать внешних звуков” [27, с. 83].

Выраженность интроспективно-духовного уровня слушания определяется на основе способности к длительному сосредоточенному, устойчивому слушанию своей внутренней речи, музыки и шума. Человека с этой выраженной характеристикой можно отнести к *аудиально-интроспективному типу личности*.

СЛУХОВАЯ ПАССИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ФОРМЫ

Разрушение *Я* прежде всего его ослабление – утрата способности интегрировать психику и управлять поведением – может привести к нарушениям слушания, в первую очередь спонтанного и интроспективно-духовного уровня.

К пограничным формам слуховой пассивности личности относится *зависимость Я от слушания музыки (меломания)*: наблюдается повышение длительности и частоты слушания, высокий уровень реагирования на музыку, а также распознавания и переживания ее эмоционального подтекста. Но за внешней слуховой гиперактивностью скрывается снижение способности *Я* управлять слушанием, вызванное болезненной потребностью в музыкальных наслаждениях, что препятствует целенаправленному рациональному волевому действию. Меломаны испытывают сильную потребность в музыке, тратят все больше времени и средств на ее приобретение и прослушивание, пренебрегают альтернативными интересами и очевидными вредными последствиями. Меломания встречается преимущественно у музыкальных личностей, тесно связана с сексуальностью и архаическими мистическими переживаниями.

Еще Аристотель в “Никомаховой этике” писал: “Кто любит флейту, заслышав флейтиста, не способен внимать рассуждениям философа... удовольствие от искусства флейтиста уничтожает деятельность, связанную с рассуждением” [2, с. 327]. У. Джемс утверждал: “Даже привычка к чрезмерному слушанию музыки у тех, кто не играет сам и не одарен в музыкальном отношении настолько, чтобы наслаждаться ею чисто интеллектуальным образом, вероятно, оказывает расслабляющее действие на характер. После музыки такой человек переполнен эмоциями, которые обычно проходят, не побуждая его что-либо сделать, и таким образом в нем поддерживается бездейственно-сентиментальное состояние” [13, с. 153]. Французский писатель М. Пруст в романе “По направлению к Свану” провел глубокий психологический анализ болезненного пристрастия к музыке, негативных его последствий [32]. Э. Фромм считал, что за меломанией может скрываться влечение к смерти. По его мнению, многие современные меломаны-некрофилы, “для которых слушание музыки – только предлог для экспериментов с высококачественной звуковоспроизводящей аппаратурой и разного рода усовершенствованиями и приставками, улучшающими ее технические характеристики. Интерес к музыке уступил у них место интересу к продуктам высоких технологий... Действия эти лишь в том случае приобретают некрофильскую окраску, если они *заслоняют* интерес к жизни и *подменяют собой* то бесконечное многообразие способностей,

которыми наделен человек” [44, с. 21–22]. Следует отметить, что особенно вызывают агрессию и подавляют личность марши. Военная музыка порождает боевые эмоции, ослабляет страх перед смертью, усиливает желание убить противника. Но и прослушивание классической, очень мелодичной музыки может вызвать садомазохистские реакции. У меломанов могут появиться слуховые галлюцинации и стремление к самоубийству. Так, композитор-романтик Р. Шуман с трудом переносил обычные шумы и громкую разговорную речь, предпочитал слушать и сочинять музыку. Он необыкновенно развил внутренний музыкальный слух. У композитора возникли слуховые галлюцинации: “То его преследовали говорящие столы, обладающие всеведением, то он слышал не дававшие ему покоя звуки, которые сначала складывались в аккорды, а затем и целые музыкальные фразы. Бетховен и Мендельсон из своих могли диктовали ему различные мелодии. В 1854 году Шуман бросился в реку, но его спасли” [28, с. 94]. Однако увлечение музыкой имеет много положительных сторон: оно защищает от стрессов и способствует развитию чувства прекрасного. Меломаны переносят законы музыки на другие виды искусства, достигая значительных успехов. Художник В. Кандинский считал, что абстрактная беспредметная живопись должна быть построена по образцу музыки: “Музыка, не имеющая практического назначения (за исключением марша и танца), по сей день единственная пригодная для создания абстрактного произведения” [20, с. 68].

К пограничным формам слуховой пассивности личности можно также отнести *зависимость Я от слушания внутренней речи*. Человек слишком любит слушать свою внутреннюю речь, излишне подчиняется внутреннему голосу, его советам и утрачивает целенаправленность и целесообразность поведения. Еще Сократ обожествил внутренний голос, мы слышим своего демона (гения), который безошибочно наставляет, что хорошо, что плохо, как мы должны жить. Этот демон сопровождает душу всю жизнь, а после смерти перемещает ее в преисподнюю. Из Аида душа возвращается в новое тело уже под руководством другого демона. И только те из них, “кто благодаря философии очистился полностью, впредь живут совершенно бестелесно и прибывают в обиталища еще более прекрасные...” [31, с. 177]. За обожествление внутреннего голоса, создание новых богов Сократа приговорили к смерти. Аргументом против собственного спасения у него был и такой: “Мне в ухо кто-то шептал все время, это было с самого раннего детства, а теперь его больше нет” (см. [12, с. 187]). То есть Сократ впал в такую зависимость от внутреннего голоса, что не захотел жить без него. Ницше считал, что фило-

соф ошибочно принял слуховые галлюцинации за божественного “демона”. Психолог О. Ранк предположил, что у Сократа была очень сильная травматическая реакция на рождение: “Тогда нам сразу становятся понятны биологические результаты его телесного уродства, слуховые галлюцинации и необузданность его инстинктивной жизни, о которой писал Ницше” [34, с. 188]. На мой взгляд, любовь к слушанию внутреннего голоса не является патологией. Она во многих случаях помогает вести себя разумно и целесообразно, контролировать влечения и эмоции. Именно прислушивание к внутреннему голосу помогало Сократу сохранить самообладание и хладнокровность в ситуациях, вызывающих гнев. Сенека приводит следующий пример: «Сократ однажды сказал своему рабу: “Я побил бы тебя, если бы не был сердит”. Он отложил наказание раба до более спокойного времени, а в тот момент считал нужным заняться собственным исправлением» [38, с. 115]. К вредным последствиям может привести только слушание чужого голоса, который мы ошибочно считаем своим. Так, на заре христианства архиепископ Афанасий Александрийский поучал монахов, что дьявол может предстать в форме внутреннего голоса: “Бывают времена, когда мы никого не видим, а между тем слышим шум, производимый работой, работой дьявола, и кажется тогда, словно кто-то громким голосом поет песнь; а иногда мы как бы слышим слова из Священного Писания, и кажется, словно живое существо повторяет эти слова, и слова эти подобны тем, которые мы слышим, когда кто-нибудь читает вслух из Книги (Библии). Бывало и так, что они (дьяволы) насильно поднимали нас с постели на ночную молитву и понуждали нас вставать” (цит. по: [49, с. 88–89]). Создатель транзактного анализа Э. Бёрн полагал, что в основе вредного внутреннего голоса, склоняющего нас к опасным действиям, лежат родительские предписания, заданные в детстве. Он выделил три состояния Я – “родитель”, “взрослый” и “ребенок”, которые составляют основу как внешней, так и внутренней интеракции. Человек общается не только с другим человеком, но и сам с собой в этих состояниях Я. В частности, внутренняя речь может представлять собой внутренний диалог родителя и ребенка. Часто голос родителя дает полезные советы. Однако иногда родители ненавидят своих детей и желают им зла, формируют у них сценарий неудачника, давая им завуалированные предписания, которые впоследствии предстают в виде внутреннего голоса у ребенка. Бёрн приводит пример: «“Толчок” – это “голос” Родителя, нашептывающий Ребенку в критический момент: “Не забудь о сексе или о деньгах, не дай мгновению уйти просто так. Вперед, малышка, что ты теряешь!” Это говорит “демон” в Родителе, и “демон” в Ребенке отвечает. Затем Родитель

делает быстрое движение, и Ребенок на глазах промахивается мимо цели. “Я так и знал”, – сообщает сияющий Родитель, а Ребенок отвечает “ха-ха”, сопровождая это кислой ухмылкой. Подобный толчок порождает то, из-за чего детей называют трудными”» [7, с. 228]. Или голос родителя внутри нас говорит: “Работай на совесть всю неделю, а в субботу можешь напиться” [там же, с. 223].

К патологическим формам слуховой пассивности личности можно отнести *слуховые галлюцинации, псевдогаллюцинации и слуховую апатию*.

Слуховые галлюцинации и псевдогаллюцинации – обманы слуха, внутренние голоса, которые не управляются Я. Псевдогаллюцинации, в отличие от галлюцинаций, не имеют характера объективной реальности У. Джемс считал: «Большая часть “голосов”, слышимых людьми (дают ли они обман полной объективности или нет), – это псевдогаллюцинации. Их описывают как “внутренние” голоса, хотя характер их совершенно не похож на внутреннюю речь людей, когда они говорят сами с собой» [13, с. 363]. Т. Рибо приводит пример: «Одну женщину преследовал внутренний голос, “который она слышала только в своем ухе”, он восставал против всего, чего она хотела. Голос всегда хотел зла, когда больная хотела добра. Он ей иногда говорил, но так, чтобы это было ей одной слышно: “Возьми нож и убей себя”» [35, с. 85–86]. По мнению Рибо, галлюцинация является началом разрушения личности: “Индивидум перестает осознавать часть самого себя, которая становится ему чуждой, враждебной” [там же, с. 109]. Дальнейшая ступень распада личности – ее раздвоение. На мой взгляд, вполне возможно, что слуховые псевдогаллюцинации – голоса представляют проекцию и отчуждение не Я, а – “другого”, собеседника. Я – это психический центр, который разговаривает сам с собой. Собеседник, к которому мы обращаемся во внутренней речи, называется вторым Я. У нашего Я есть много ролей, т.е. субличностей, и мы ведем разговор от лица то одного ролевого Я, то от другого: например, как ребенок или как взрослый. Собеседник нашего Я имеет также много “обличий”: мы ведем внутренний диалог то с друзьями, то с родителями, то с учителями. И вполне вероятно, что при ослаблении Я “другой” отщепляется и проецируется вовне. К этому предрасполагают внутренние противоречия, которые приводят к конфликтам между Я и “другим”.

Особое значение слабости Я, утрате его интегративной функции в происхождении слуховых галлюцинаций придавал Н.О. Лосский. Он высказал следующее предположение: “Тело человека состоит из субстанциальных деятелей, подчиненных центральному субстанциальному деятелю, человеческому Я; они аналогичны человеческому

Я, однако стоят на низших ступенях развития” [29, с. 181]. При некоторых условиях низший субстанциальный деятель, ответственный за деятельность слуха, может выйти из подчинения Я и начать действовать самостоятельно. Лосский пишет: «Слуховые галлюцинации могут быть актами внутрителесных звучаний, производимыми одним из таких субстанциальных деятелей, вышедших из повиновения человеческому Я и достигших большей или меньшей степени активности, независимой от человеческого Я. Их самостоятельность может возрасти до того, что они действительно будут произносить слова помимо воли человеческого Я. Тогда возникают психомоторные галлюцинации, описываемые П. Жане. Они состоят в том, что больной слышит слова, произносимые его органами речи, и считает их чужими. “Это мой рот произносит грубые слова, – замечает иногда такой больной, – но я чувствую, что кто-то заставляет меня говорить”» [там же, с. 182].

Слуховая пассивность личности при слуховых галлюцинациях может быть следствием регрессии Я в детское состояние. Э. Кречмер описывает случай солдата, который после взрыва гранаты рядом с ним «постоянно восклицал: “Теперь я пойду к отцу! Вы слышите, как играет музыка?”» [23, с. 131]. Он регрессировал в детство – вернулся в пассивное инфантильное состояние безответственности и защищенности от проблем. Причиной слуховой пассивности личности при галлюцинациях может быть также топическая регрессия – обратное течение психического процесса, при котором происходит превращение мыслей и представлений в реальные слуховые образы. З. Фрейд приводит пример 13-летнего мальчика, у которого сон прерывался тяжелым припадком страха и галлюцинациями: «Он рассказывал, что чорт кричал ему: “А, наконец-то, ты нам попался?” – кругом пахло смолой и серой, и его кожу обжигало пламя» [43, с. 419].

При глухоте и тугоухости, возникших в раннем детстве, может возникнуть искажение личности – стремление к избеганию неуспеха, снижение контроля над ним, плохое понимание эмоций другого человека. Оно в свою очередь иногда приводит к *слуховой апатии в общении с другими людьми* – отсутствию желания слушать, безразличию к звуковым вербальным сообщениям, ограничению себя в контактах. Она может также развиваться у малоинициативных детей, воспитывающихся в детских домах и страдающих легкими детскими энцефалопатиями (ЛДЭ). И. Лангмейер, З. Матейчик пишут: “Известна, например, слуховая апатия детей с ЛДЭ, проявляющаяся иногда прямо как тяжелая тугоухость и неизбежно приводящая к задержке речи” [25, с. 221]. У таких слабослышащих подростков надо развивать остаточный слух и слуховую инициативу.

Слуховая апатия в общении с другими людьми свойственна также некоторым детям с синдромом “раннего детского аутизма”. Для них характерно слабое или отсутствующее *Я*: аутистичный ребенок, говоря о самом себе, вместо “я” употребляет местоимения “ты” или “он”. Отставание наблюдается и в отношении глагольных форм будущего времени первого лица единственного числа, а также императивных форм. Г. Бош (G. Bosch, 1962) в этом “усматривает дефицит заявлений о намерениях, предвосхищении действий или целей деятельности” (см. [8, с. 728]). Аутисты не говорят и не слушают, безразличны к тому, что слышат от других людей. При этом у многих из них отмечается нормальная острота слуха и даже слуховая гиперчувствительность: “В связи с этим аутичные дети обладают большой способностью к различению и запоминанию некоторых физических характеристик звука и улавливанию их изменений” [42, с. 30]. Слуховая апатия аутистов может быть защитой от эмоциональной гиперстимуляции слуха. Б. Беттельхейм пишет: “Гиперчувствительность к материнским эмоциям таких детей, обреченных стать аутистами, иногда толкает их к тому, чтобы попытаться сгладить слишком деструктивные переживания” [8, с. 666]. Следует отметить, что аутисты часто безразличны только к вербальным звуковым сообщениям, полученным от других людей. В то же время они любят слушать музыку и буквально привязываются к предметам с сильными сенсорными (звуковыми, зрительными или обонятельными) свойствами [42, с. 40]. Многие из них могут “воспроизвести музыкальный отрывок, услышанный всего один раз...” [там же, с. 29].

Слуховая апатия характерна и для ряда людей, страдающих шизофренией. В. Гольдфарб (W. Goldfarb) считает, что “ребенок, больной шизофренией, слышит и видит, но не говорит и не слушает” (см. [8, с. 721]). Взрослые больные с выраженным дефектом также не желают слушать как других людей, так и самих себя, свой внутренний голос. Однако это расстройство носит парциальный характер. У них относительно сохранно вербальное эмоциональное слушание: по интонации голоса другого человека они довольно точно узнают эмоции тревоги, апатии, гнева, повышенного и пониженного настроения [4]. Для многих больных шизофренией характерна слабость *Я*, которая выражается в затруднениях в коммуникации с другими людьми и с самим собой, снижении способности к приему и передаче сообщений, нарушении связи с собственными ощущениями, восприятиями и мыслями [51].

Проведенный в статье анализ позволяет сделать некоторые *выводы*.

1. Субъектом слушания является *Я* – центр сознания, способный к диалогу с самим собой. Мож-

но выделить целенаправленное (рациональное) и эмоциональное слушание *Я*.

2. Тип личности влияет на слуховые предпочтения и характер целенаправленного (рационального) и эмоционального слушания. Можно выделить реактивный, спонтанный, интроспективно-духовный уровни слушания и соответственно аудиально-реактивный, аудиально-спонтанный и аудиально-интроспективный типы личности.

3. К слуховой пассивности личности, связанной прежде всего со слабостью *Я*, относится зависимость от слушания музыки и внутренней речи, слуховые галлюцинации и псевдогаллюцинации, слуховая апатия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ажуриагерра Ж., Экаэн Х. Амузия* // Хрестоматия: Нейропсихология. Тексты. М.: МГУ, 1984. С. 64–65.
2. *Аристотель*. О душе. Никомахова этика. Поэтика // Энциклопедия истории психологии. М.: Центр “Школьная книга”; АО “Московские учебники”, 2001. С. 233–343.
3. *Атватер И.* Я Вас слушаю... М.: Экономика, 1988.
4. *Бажин Е.Ф., Корнева Т.В., Ломаченков А.С.* О состоянии импрессивной способности у больных шизофренией // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1978. № 5. С. 711–715.
5. *Бардин К.В., Скотникова К.Г., Фришман Е.З.* Субъектный подход в психофизике // Проблемы дифференциальной психофизики. М.: Институт психологии АН, 1991. С. 4–18.
6. *Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1985.
7. *Бёрн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб.: Лениздат, 1995.
8. *Беттельхейм Б.* Пустая крепость. Детский аутизм и рождение *Я*. М.: Академический проект; Традиция, 2004.
9. *Войтенко Т.П.* Когнитивные стили и особенности сенсорной деятельности // Проблемы дифференциальной психофизики. М.: Институт психологии АН, 1991. С. 93–108.
10. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.
11. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени: Собр. соч. М.: РИГ; ЛОГОС, 1994. Т. 1.
12. *Дандарон Б.Д.* Мысли Буддиста. Черная тетрадь. СПб.: Алетейя, 1997.
13. *Джемс У.* Научные основы психологии. Минск: ХАРВЕСТ, 2003.
14. *Дольто Ф.* На стороне ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
15. *Жане П.* Шоковые эмоции // Хрестоматия: Психология мотивации и эмоций. М.: ЧеРо, 2002. С. 165–170.
16. *Залкинд А.Б.* Умственный труд // Педология: Утопия и реальность. М.: Аграф, 2001. С. 317–426.
17. *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000.

18. Йоуменс Т. Практика психосинтеза // Р. Ассаджолли: "Психосинтез: теория и практика". М.: REFL-book, 1994. С. 153–187.
19. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.
20. Кандинский В. Точка и линия на плоскости // Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 65–232.
21. Кондратенко В.Т., Донской Д.И. Общая психотерапия. Минск: Вышэйшая школа, 1998.
22. Кречмер Э. Медицинская психология. СПб.: Союз, 1998.
23. Кречмер Э. Об истерии. СПб.: Питер, 2001.
24. Курек К.С. Дефицит психической активности: пассивность личности и болезнь. М: Институт психологии РАН, 1996.
25. Лангмейер И., Матейчик З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984.
26. Лефевр В.А. Формула человека. Контуры фундаментальной психологии. М.: Прогресс, 1991.
27. Лири Т., Метцнер Р., Олперт Р. Психоделический опыт: Руководство на основе "Тибетской книги мертвых". Львов: Инициатива; Киев: Ника, 1998.
28. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: РИПОЛ-классик, 2006.
29. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995.
30. Михайлова Е.С., Моносова А.Ж., Беляев Б.С. Эмоциональная реактивность больных депрессией // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1990. № 4. С. 86–91.
31. Платон. Федон // Энциклопедия истории психологии. М.: Центр "Школьная книга"; АО "Московские учебники", 2001. С. 152–178.
32. Пруст М. По направлению к Свану. М.: Республика, 1992.
33. Ранк О. Истина и реальность. История человеческой воли // Травма рождения. М.: Аграф, 2004. С. 220–345.
34. Ранк О. Травма рождения // Травма рождения. М.: Аграф, 2004. С. 43–219.
35. Рибо Т. Болезни личности. Опыт исследования. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
36. Роджерс К. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 1. С. 54–69.
37. Сартр Ж.П. Психология, феноменология и феноменологическая психология // Хрестоматия: Психология эмоций. М.: МГУ, 1984. С. 120–137.
38. Сенека Л.А. О гневе // Философские трактаты. СПб.: Алетея, 2001. С. 103–179.
39. Скотникова И.Г. Системная взаимосвязь сенсорных стратегий и особенностей индивидуальности: анализ с привлечением категории когнитивного стиля // Системный анализ сенсорно-перцептивных процессов. М.: Институт психологии АН, 1988. С. 149–205.
40. Слуховой анализатор II Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983. С. 343–344.
41. Сухова Л.Г. Национальные и интернациональные аспекты российской музыкально-педагогической школы. Тамбов: Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова, 2005.
42. Феррари П. Детский аутизм. М.: РОО "Образование и здоровье", 2006.
43. Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван: Камар, 1991.
44. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М.: Высшая школа, 1992.
45. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998.
46. Шниц Р.А., Коблинер ВТ. Первый год жизни ребенка. М.: Геррус, 2000.
47. Штерн В. Дифференциальная психология и ее основы. М.: Наука, 1998.
48. Шульц Д.П., Шульц Э.П. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998.
49. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Университетская книга; АСТ, 1998.
50. Юнг К.Г. О возрождении. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев–Москва: Порт-Рояль-совершенство, 1997. С. 250–287.
51. Bateson G. Vers une theory de la schizophrenic // Vers oneecologie de Fesprit. Le Senil, Paris, 1980. P. 9–34.
52. Chocholle R. Gehorswarnehmung // Lexikon der Psychologie von Arnold, Eysenck, Meili. Freiburg-Basel-Wien: Herderbucherei, 1988. Bd. 1. S. 702–706.
53. Geuter U. Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nazionalsozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988.
54. Leonhard K. Biologische Psychologie. Leipzig: Verlag Johann Ambrosius Barth, 1963.

FORMS OF PERSONALITY AUDITORY ACTIVITY

N. S. Kurek

Sc.D. (psychology), professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow

Correlation of personality peculiarities with auditory activity is analyzed. The model of purposeful (rational) and emotional Self as a subject of auditory activity is proposed. Three levels of auditory activity – reactive, spontaneous and introspective – mental and corresponding to them three personality types: audio – reactive, audio – spontaneous and audio – introspective are allotted. Such forms of personality auditory inactivity as melomania, internal speech hearing dependence, auditory hallucinations and auditory apathy are considered.

Key words: purposeful and emotional hearing, personality auditory inactivity, weakness of Self, melomania, auditory hallucinations, auditory apathy.